

Елена Погорельская

Одесса – Николаев – Одесса

Новые материалы к биографии И. Бабеля

14 октября 1931 года, после публикации в журнале «Молодая гвардия» рассказа «Пробуждение» и перед публикацией в «Новом мире» рассказа «В подвале», Бабель писал матери: «Я там (в «Молодой гвардии». – Е. П.) дебютировал после нескольких лет молчания маленьким отрывком из книги, которая будет объединена общим заглавием «История моей голубятни». Сюжеты все из детской поры, но приврано, конечно, многое и переменено, – когда книжка будет окончена, тогда станет ясно, для чего мне все это было нужно. В этом же месяце появятся два рассказа в «Новом мире» – один из той же серии...»*

Приведу несколько мемуарных фрагментов на ту же тему.

Однажды в Одессе, нарушив обычное правило не говорить с Бабелем о его литературных делах, жена писателя, Антонина Николаевна Пирожкова, спросила, автобиографичны ли его рассказы.

«– Нет, – ответил он.

Оказалось, что даже такие рассказы, как «Пробуждение» и «В подвале», которые кажутся отражением детства, на самом деле не являются автобиографическими. Может быть, лишь некоторые детали, но не весь сюжет. На мой вопрос, почему же он пишет рассказы от своего имени, Бабель ответил:

– Так рассказы получаются короче: не надо описывать, кто такой рассказчик, какая у него внешность, какая у него история, как он одет...»**

* Бабель И. Собр. соч. в 4-х т. М., 2006. Т. 4, с. 293. Второй рассказ, напечатанный тогда в «Новом мире», – «Гапа Гужва» из задуманной книги о коллективизации «Великая Криница».

** Пирожкова А. Семь лет с Исааком Бабелем // Бабель И. Собр. соч. в 4-х т. М., 2006. Т. 4, с. 453-454.

Существует, однако, другое свидетельство, принадлежащее Константину Георгиевичу Паустовскому. «У меня нет воображения», – упрямо повторял Паустовскому Бабель. Он говорил: «Я не умею выдумывать. Я должен знать все до последней прожилки, иначе я ничего не смогу написать. На моем щите вырезан девиз: «Подлинность!». Поэтому я так медленно и мало пишу. <...> Когда я пишу самый маленький рассказ, то все равно работаю над ним, как землекоп, как грабарь, которому в одиночку нужно скрыть до основания Эверест»***.

Свидетельство Пирожковой, безусловно, достоверно, и в данном случае мы можем быть уверены в точной передаче слов Бабеля. Паустовский же, как известно, создавая повесть «Время больших ожиданий», из которой взят приведенный отрывок, не ставил перед собой задачи с фактической точностью отобразить реальные события.

Но, видимо, к обоим признаниям Бабеля надо относиться осторожно. И вместе с тем каждое из свидетельств по-своему правдиво. Дело в том, что Бабель действительно очень тщательно прорабатывал многие детали, а фактографическая, порой документальная точность и писательский вымысел идут в его произведениях рука об руку.

Пожалуй, золотая середина изложена в воспоминаниях С.А. Трегуба. Ему Бабель рассказал, что процесс художественного осмысления реальности проходит у него три этапа: «во-первых, нужно хорошо знать действительную жизнь, во-вторых, нужно ее забыть и, наконец, в-третьих, нужно ее вспомнить, осветить таким ослепительным светом, чтобы это была настоящая жизнь»****.

Писатель имеет право на вымысел, смещение фактов, на сгущение красок и преувеличение. Но для подготовки реального комментария к тому или иному произведению Бабеля, где присутствуют автобиографические моменты или затронуты реальные исторические события, – а таких рассказов у него большинство, – необходимо постоянно быть начеку, распознавая художественный вымысел и фиксируя подлинные факты и даты. И тут нередко на помощь исследователю приходит документ. Своими новыми (главным образом сделанными летом 2012 года)

*** Паустовский К. Рассказы о Бабеле // Воспоминания о Бабеле. М., 1989, с. 27.

**** Трегуб С. Спутники сердца. М., 1964, с. 195.

архивными находками в Одессе и Николаеве, связанными с жизнью и творчеством Бабеля, я и хочу поделиться сегодня с читателями.

Для начала мне хочется внести ясность в некоторые факты биографии писателя. Прежде всего, речь пойдет о дате его рождения. Не хочу показаться излишне педантичной в отыскивании, как может кто-то подумать, несущественных мелочей, но очень часто приходится слышать и читать, что настоящую биографию Бабеля написать невозможно – и в силу обстоятельств (пропажи значительной части архива во время ареста), и из-за характера писателя, склонного к выдумкам и мистификациям. Но если внимательно отнестись к сохранившимся документам (в том числе к его письмам – неопенимому биографическому источнику), то можно реконструировать многие факты и события его жизни.

Итак, в Краткой литературной энциклопедии датой рождения Бабеля названо 1 (13) июля 1894 года. Однако по старому стилю Бабель родился не 1 июля, а 30 июня. В Метрической книге Одесского раввина о родившихся в 1894 году евреях* есть запись за № 883 (о лицах мужского пола) о рождении 30 июня у происходящего из сквирских мещан Маня Ицковича Бобеля и его жены Фейги сына Исаака. Вот она:

№		Кто совершил обряд обрезания	Число и месяц рождения и обрезания		Где родился	Состояние отца, имени отца и матери	Кто родился и какое ему или ей дали имя
женский	мужской		Христианский	Еврейский			
	883	Блинчевский	Июль 4	Таммуз 12	В Одессе	Происходящий из сквирских мещан Маня Ицкович Бобель Жена Фейга	Сын Исаак Род[ился] 30 июня обр[езан] 7 июля

* Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 39, оп. 5, д. 71. Раввинатские книги о рождении составлялись в трех экземплярах. В 2008 г. я просматривала книгу, на которой была отметка «Дубликат». В 2012 г. в мои руки попала книга, где такой отметки не было. Но эти книги отличаются только почерком и проставленными в них штампами – датами выдачи «Метрического свидетельства».

Дата рождения Бабеля – 30 июня – подтверждается также датой обрезания – 7 июля, произведенного, как и положено по еврейской традиции, на восьмой день.

О чередовании гласной в фамилии «Бобель» – «Бабель» достаточно хорошо известно, и останавливаться на этом не имеет смысла.

30 июня по старому стилю для XIX века соответствует 12 июля по новому. Вероятно, автором неточности был сам Бабель, когда в XX веке стал прибавлять к дате своего рождения по старому стилю, то есть к 30 июня, не двенадцать, а тринадцать дней. Так, в конармейском Дневнике 13 июля 1920 года в Белеве он записал: «Я именинник. 26 лет». В 1926 году, 14 июля, на следующий день после рождения сына Михаила, он писал его матери – Тамаре Владимировне Кашириной: «Вчера, 13 июля (по старому стилю 30 июня) был день моего рождения, и парень этот родился 30 июня». Для 1926 года подобные вычисления верны: ведь для событий, происшедших в XX столетии, 13 июля по новому стилю соответствует 30 июня по старому.

Еще через несколько дней после рождения Михаила, 18 июля, в письме тому же адресату он вновь подтвердит дату 30 июня: «Мама категорически не помнит, когда я появился на свет божий – днем или ночью. С несомненностью установлено только одно, что случилось это шаблонное событие 30 июня».

Бабель не был одинок в совершении подобной ошибки, такое встречается довольно часто. Так, например, И.А. Бунин, который родился по старому стилю 10 октября 1870 года, в XX веке в дневниках упорно называл днем своего рождения в октябре не 22, а 23 число.

И все же в официальную биографию Бабеля следует внести ясность: день его рождения приходится не на 13-е, а на 12 июля.

Автор первой «Краткой летописи жизни и творчества Исаака Эммануиловича Бабеля» У.М. Спектор почему-то называет такую дату его рождения (со ссылкой на названную метрическую книгу, где никаких дат по новому стилю не приведено): 13 июля (30 июня) 1894 года**. Говорить о том, что это ошибка, излишне, но, к сожалению, в таком виде эта дата вынесена в название самой «Краткой летописи...» и встречается в работах, посвященных Бабелю.

** См.: Бабель И. Пробуждение. Тбилиси, 1989, с. 421.

Надо воздать должное покойному Ушеру Моисеевичу Спектору. Он был большим энтузиастом, собирал по крупицам все, что имело отношение к фактам биографии Бабеля, его вклад в создание Хроники жизни писателя неоценим. Но, тем не менее, некоторые даты из названной «Краткой летописи...» ошибочны и требуют уточнения. Я остановлюсь здесь лишь на отдельных датах, связанных с Одессой и Николаевом.

Одна из них – день рождения Марии Эммануиловны Бабель. Спектор называет 16 июля 1898 года, тогда как сестра писателя появилась на свет в Николаеве на год раньше, а именно 13 июля 1897 года*.

Известно, что вскоре после рождения Исаака семья Бабелей переехала в Николаев, вернулись они в Одессу в конце 1905 года.

Мне не давал покоя вопрос – когда же именно состоялся этот переезд в Николаев, ведь промежуток, в который они могли уехать из Одессы, – между июлем-августом 1894 года (после рождения Исаака) и июнем 1897-го (перед рождением Мери) – слишком велик для хронологии жизни писателя? Сколько было Бабелю, когда он покинул Молдаванку, столь красочно обрисованную им впоследствии? Я очень надеялась, что в Николаеве мне удастся по каким-нибудь косвенным фактам сократить этот отрезок хотя бы до года или полутора лет.

Единственным указанием на возможную дату переезда является последняя фраза рассказа «Первая любовь» о проведенных в Николаеве десяти годах детства героя. Видимо, из этого исходят современные николаевские краеведы, называя 1895 год временем появления семьи Бабелей в Николаеве**. Однако датировать какие-либо события, основываясь на произведениях писателя, как будет показано дальше, дело довольно рискованное. Хотя, забегая вперед, скажу, что в данном конкретном случае риск оказался оправданным.

* Государственный архив Николаевской области (ГАНО), ф. 484, оп. 1, д. 1482.

Здесь и далее все даты до 1917 года указаны по старому стилю.

** Гриневиц Е., Сарафонова А. Николаевские адреса Исаака Бабеля (1894-1940) // Одесса и еврейская цивилизация: Материалы 3-й Международной научной конференции. 8-10 ноября 2004 г. Одесса, 2005, с. 123-125.

Исаак Бабель был третьим ребенком в семье. Его старшие брат и сестра не дожили до взрослого возраста. 2 июня 1891 года у Маня Ицковича и Фейги Ароновны родился первенец – Арон, в том же месяце в возрасте 18 дней мальчик умер^{***}. Это случилось в Одессе, за три года до рождения писателя, следовательно, данное событие для уточнения возможной даты переезда семьи в Николаев никакой роли не играет. А вот Анна, родившаяся 12 июня, но следующего, 1892 года^{****}, вместе с родителями и младшим братом отправилась в Николаев. Дата смерти Анны могла приблизить меня к цели моих поисков. Но в данном случае этого не произошло: Анна умерла 7 июня 1898 года. В «Метрической книге умерших евреев» есть следующая запись: «Дочь мещанина Хана Гитель Эммануиловна Бобель»^{*****}. В книге, правда, ошибочно указано, что ей было семь с половиной лет, тогда как на самом деле она не дожила нескольких дней до шести.

И все же в Николаеве мне очень повезло. Благо из Одессы до Николаева можно добраться сейчас за два часа. Утром 3 июля 2012 года я делала выписки в Государственном архиве Одесской области, а днем – в Государственном архиве Николаевской области – просматривала алфавитные указатели к метрическим книгам о родившихся и умерших в Николаеве евреях – на букву «Б», с 1894 по 1905 год. И я глазам своим не поверила, когда в списках родившихся за 1895 год увидела имя: «Бобель Ида Маневна», имя Иды Бобель я обнаружила и в списках умерших в 1896 году. Сомнений не было: Ида – младшая сестра писателя, умершая в младенчестве.

На другой день мне удалось воочию во всем убедиться: я просмотрела в метрических книгах четыре интересовавшие меня записи: о смерти Анны (Ханы Гитель), о рождении Марии, но главное – о рождении и смерти Иды.

Но вначале в основном здании архива, на Московской улице, 1, я смотрела дела Николаевского коммерческого училища, затем мне пришлось переместиться на другой конец города, на улицу Васляева, 43.

*** См.: ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 59 и 62.

**** См.: ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 63.

***** ГАНО, ф. 484, оп. 1, д. 1505.

Итак, в «Метрической книге родившихся евреев на 1895 год» под номером 343 (для лиц женского пола) сделана запись, что в Николаеве 1 декабря родилась Ида Бобель. Цитирую эту запись дословно: «Отец запаса армии из мещан г. Сквиры Киевской губ. Мань Ицкович Бобель, мать Фейга. Дочь Ида»*. Умерла девочка в возрасте шести месяцев – 14 июня следующего года**.

Таким образом, Фейга (Фаня) Ароновна Бабель родила не четверых, как было известно до сих пор, а пятерых детей, из которых до взрослого возраста дожили двое: писатель Исаак Бабель и его сестра Мария Эммануиловна (в замужестве Шапошникова, 1897-1987).

А главное, стало ясно, что семья Бабелей переехала в Николаев не позднее ноября 1895 года. Но это, если говорить строго, для официальной хроники. Сделаем допущение: переезд состоялся не позднее осени 1895 года – вряд ли они отправились на новое место жительства в последний месяц перед рождением ребенка.

Возможно, отыщутся когда-нибудь и другие документы, которые позволят еще точнее установить дату переезда в Николаев. Но уже сейчас смело можно утверждать, что Бабель уехал из Одессы, не достигнув полуторагодового возраста. И прав, безусловно, Р. Александров (А.Ю. Розенбойм), полагая, что один лишь факт рождения на Молдаванке и проведенный там небольшой кусочек детства «вряд ли генерировали ту душевную нескрываемую привязанность к ней и скрупулезное знание реалий, печатью которых отмечены «Одесские рассказы», а «замысел бабелевских рассказов родился на уже известной автору фактологической основе из желания сберечь память о старой Молдаванке»***.

Раннее детство – до 11 лет – будущий писатель провел в Николаеве.

Далее. В «Краткой летописи...» Спектора сказано, что Бабель был зачислен в первый класс Николаевского коммерческого училища 20 сентября 1905 года. На самом деле это не что иное как цитата из рассказа «История моей голубятни» с той лишь разни-

* ГАНО, ф. 484, оп. 1, д. 1480.

** См.: ГАНО, ф. 484, оп. 1, д. 1503.

*** Александров Р. Волшебник из Одессы: По следам Исаака Бабеля. Одесса, 2011, с. 15.

цей, что в произведении речь идет не о коммерческом училище, а о гимназии: «Двадцатого сентября тысяча девятьсот пятого года в гимназии вывешен был список поступивших в первый класс. В таблице упоминалось и мое имя».

Хранящиеся в Николаевском архиве документы Николаевского мужского коммерческого училища имени статс-секретаря С.Ю. Витте неоценимы как источник комментария к рассказу «История моей голубятни».

Вот что выяснили краеведы из Николаева Е. Гриневич и А. Сарафонова: «В «Книге для записывания биографических сведений и экзаменационных отметок вновь поступающих учащихся» под № 52 числился Исаак Бабель – «рождения 1894 года, в Одессе, иудейского вероисповедания. Отец – сквирский мещанин, член Николаевской биржи». Здесь же указаны оценки, полученные на экзаменах, – пятерки по всем предметам. И определение педагогического совета: «не принят за недостатком вакансий...».

И. Бабель начинает усиленно готовиться к экзаменам на будущий год, уже в первый класс. И целиком автобиографичны строки из рассказа «История моей голубятни» о том, как он выполнял задание своего учителя. Здесь все документально, даже фамилия инспектора указана верно (в новелле: помощник попечителя Пятницкий. – Е. П.). В рассказе упоминаются реальные лица: попечитель действительно жил в Николаеве, правда, был он инспектором народных училищ 5-го района Херсонской губернии. Упоминаемый Калистов (М.К. Калустов) жил в собственном доме № 36/38 по ул. Херсонской. В рассказе «Первая любовь» Бабель пишет, что их соседом был домовладелец Рубцов. Действительно, дом Рубцова находился на ул. Рыбной, 5, – теперь ул. Чкалова, 7»****.

Добавлю от себя, что точны многие реалии, и не связанные непосредственно с Николаевом. Так, например, в рассказе есть упоминание о трех книгах, которые герой рассказа выучил наизусть, «от строки до строки»: «грамматика Смирновского, задачник Евтушевского и учебник начальной русской истории Пуцыковича». Речь идет об «Учебнике русской грамматики» П.В. Смирновского, «Сборнике арифметических задач» В.А. Евтушевского и «Краткой

**** Гриневич Е., Сарафонова А. Указ соч., с. 123-124. См. также: Мирошниченко Е. Литературный Николаев (Путеводитель). Вып. 1-й. Николаев, 2008, с. 84–88.

русской истории со многими портретами и другими рисунками» Ф.Ф. Пуцыковича.

Тем не менее, насколько автобиографичны строки о выполнении заданий учителя, мы судить не можем, и это никоим образом не вытекает из того факта, что Бабель называет реальные имена, названия улиц и даже реально существовавшие в ту пору учебники. В приведенном фрагменте из сообщения николаевских краеведов имеются и другие неточности. Во-первых, «Книга для записывания биографических сведений...» (или «Приемная книга») из фонда Коммерческого училища процитирована не совсем корректно, в этой цитате совмещены данные из двух «Приемных книг» училища, так как упоминание о том, что отец будущего писателя – член Николаевской биржи, содержится только в книге за 1904 год. Во-вторых, в обеих книгах – и 1903, и 1904 годов – указан не только год рождения поступающих (в том числе Бабеля), но число и месяц. Поэтому я позволю себе дальше еще раз сослаться на обе эти книги. Но главное, в указанном материале ничего не говорится о смещении на год вперед автобиографических событий рассказа.

Ни в коем случае не претендуя на роль первооткрывателя фактов биографии писателя, связанных с Николаевом, я просто хочу расставить точки над «i», попытаться составить хронику поступления и обучения будущего писателя в коммерческом училище города Николаева, которая, в свою очередь, может служить реальным комментарием к рассказу «История моей голубятни».

Кульминация произведения связана с происшествием в Николаеве в воскресенье, 20 октября 1905 года. И действительно, основные события еврейского погрома в Николаеве приходились на 19 и 20 октября (после царского манифеста 17 октября, упоминаемого и в рассказе «История моей голубятни», и в рассказе «Первая любовь»). Только в реальности 20 октября (по новому стилю – 2 ноября) 1905 года приходилось не на воскресенье, а на четверг: здесь Бабель вновь совмещает факт и вымысел – подлинная дата погрома (20 октября) и единственный день недели (воскресенье), когда герой мог отправиться на Охотницкую за голубями. Но именно к реальной дате – 20 октября 1905 года – подверстаны вымышленные даты в произведении Бабеля.

Начало рассказа «История моей голубятни» и впрямь кажется документально точным: «В детстве я очень хотел иметь голубятню. Во всю жизнь у меня не было желания сильнее. *Мне было девять лет*, когда отец посулил дать денег на покупку тесу и трех пар голубей. Тогда *шел тысяча девятьсот четвертый год*. Я готовился к экзаменам в подготовительный класс *Николаевской гимназии*. Родные мои жили в городе Николаеве, Херсонской губернии. Этой губернии больше нет, наш город отошел к Одесскому району» (курсив мой. – Е. П.).

Более того, дальше, при описании погрома, Бабель дает подлинную свою фамилию. «На Рыбной бабелевского деда насмерть угостили», – говорит прохожий в валеных сапогах голубятнику Ивану Никодимычу. Речь идет о двоюродном деде героя-рассказчика Шойле.

Бабелю на самом деле было девять лет, когда он готовился к экзаменам, но не в гимназию, а в коммерческое училище. И шел тогда не 1904, а 1903 год.

Гимназия появляется здесь для того, чтобы усилить драматизм описанной в рассказе ситуации: ведь процентная норма для евреев в коммерческом училище была очень высокой и составляла пятьдесят процентов, в гимназии же эта норма была значительно ниже, – но не пять, как говорится в рассказе Бабеля («...из сорока мальчиков только два еврея могли поступить в подготовительный класс»), а в черте оседлости – десять процентов (в 1908 году норма была увеличена до пятнадцати процентов)*.

Николаевское коммерческое училище имени С.Ю. Витте было открыто 9 декабря 1903 года, а в ноябре проходил набор и принимались вступительные экзамены, в том числе в старший подготовительный класс, куда поступал Бабель. «Приемная книга» училища, упомянутая выше, была начата в ноябре 1903 года. За № 52 в ней записан Исаак Бабель, родившийся в 1894 году, 30 июня, в г. Одессе, вероисповедания иудейского, звания – сквирский мещанин, до поступления в училище обучался дома. Бабель сдал три устных экзамена – по Закону Божию, русскому языку

* См., например: Щукин В.В., Павлюк А.Н. Евреи города Николаева: Очерки истории (конец XVIII – начало XX вв.). Николаев, 2008, с. 247-248.

и арифметике. Все три испытания он выдержал на «пятерки», однако не был принят «за недост[атком] ваканс[ии]»*.

Но ни о каких «пятерках с крестом» или «пятерках» с минусом из рассказа «История моей голубятни» в документах речи не идет.

20 апреля следующего 1904 года отец будущего писателя подает прошение на имя директора училища. Факсимиле этого прошения воспроизведено в упомянутом путеводителе по литературному Николаеву, но путеводитель этот малодоступен, поэтому не будет лишним это прошение привести здесь полностью:

*«Его высокородию
господину директору Николаевского коммерческого училища
члена Биржевого общества
мещанина, состоящего в запасе
армии Мани Ицковича Бабеля,
жительствающего по Херсонской
улице угол Фалеевской
д. Вайнштейна*

Прошение.

Желяя определить сына моего Исаака в первый класс вверенного Вам училища и представляя при сем метрическое свидетельство от 5 октября 1903 года за № 5498, свидетельство о привитии предохранительной оспы от 7 ноября 1903 г. за № 1159, копию паспорта, выданную Николаевским градоначальником, от 12 ноября 1903 г. за № 15348 и членский годовой билет Николаевской биржи на 1904 год за № 65; настоящим имею честь покорнейше просить Ваше высокородие подвергнуть сына моего Исаака надлежащему испытанию, при этом имею честь присовокупить, что на испытании прошлого года в старший приготовительный класс он выдержал экзамен отлично.

Мани Бабель.

*Николаев, 20 апреля 1904 года**.*

Бабель вновь сдает вступительные экзамены, но уже в первый класс, в мае 1904 года. И снова получает «пятерки» почти

* ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 1.

** ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 4.

по всем предметам, к экзаменам прошлого года прибавился письменный русский, письменный и устный немецкий, а еще рисование – единственный экзамен, за который он получил «тройку». В «Приемной книге» училища за 1904 год^{***}, откуда взяты эти данные, в графе о звании родителей к званию отца «сквирский мещанин» добавлено: «член Николаевской биржи». В этой книге датой рождения Исаака Бабеля названо 4 июля 1894 года. Эту ошибку, однако, легко объяснить, если заглянуть в книгу Одесского раввината, где графы, в отличие от книг Николаевского раввината, почти нигде не соблюдены, и эта дата – 4 июля, стоящая в графе «Число и месяц рождения», является в данном случае датой записи в метрическую книгу. Дата выдачи метрического свидетельства – 5 октября 1903 года, названная в прошении, соответствует штампу, проставленному в книге Одесского раввината.

В протоколе № 13 соединенных заседаний педагогического комитета училища от 23 и 24 августа 1904 года записаны имена учащихся, зачисленных по результатам приемных испытаний 16-21 августа, а также «производившихся в мае месяце с 18 – 22 числа». Среди поступивших в первый класс – Исаак Бабель^{****}.

На заседании педагогического комитета от 3 мая 1905 года было принято решение о его переводе из первого основного во второй класс^{*****}.

В «Ведомости об успехах и поведении учеников первого класса основного отделения Николаевского коммерческого училища...» за 1904/1905 учебный год фамилия Бабеля значится под № 3. «Пятерки» он получил за первое и второе полугодие и за год по поведению, Закону Божию, русскому языку и арифметике (по арифметике нет оценки за первое полугодие). По немецкому и французскому языку в первом полугодии у него – «четверки», во втором полугодии и годовые – «пятерки». Все «тройки» он получил по предметам – география, чистописание и рисование^{*****}.

Таким образом, в рассказе «История моей голубятни» Бабель сдвигает все биографические события на год: ему было девять

*** ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 9.

**** См.: ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 2.

***** См.: Там же.

***** См.: ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 7.

лет, и он не поступил в подготовительный класс Николаевского коммерческого училища в 1903, а не в 1904 году, а зачислен он был в первый класс в 1904, а не в 1905 году. Осенью 1905 года, когда происходят основные события в рассказе, он был уже учеником второго класса.

Вымышленная дата – 20 сентября 1905 года – день, когда «в гимназии вывешен был список поступивших в первый класс», понадобилась ему для «симметрии» с датой подлинной – 20 октября 1905 года, одним из дней страшного еврейского погрома в Николаеве. Именно через месяц после начала учебы герой рассказа вспомнил об обещании отца дать денег на голубятню: «Мы месяц привыкали к пеналу и к утреннему сумраку, когда я пил чай на краю большого освещенного стола и собирал книги в ранец, мы месяц привыкали к счастливой нашей жизни, и только после первой четверти я вспомнил о голубях».

Называя реальные улицы и имена людей, живших в то время в Николаеве, рассказывая об имевших место исторических событиях 1905 года, упоминая о процентной норме (пусть и заниженной) для поступления евреев в казенную гимназию, обозначая, в конце концов, «конкретные» даты биографии героя, Бабель создает иллюзию абсолютной документальности и подлинности повествования.

Но попробуем представить, что могло бы произойти, если бы писатель рассказал ту же историю, но сохранил при этом настоящие даты, а вместо гимназии дал действительное место своей учебы – Николаевское коммерческое училище? Наверное, не настолько трагической была бы коллизия, отраженная в произведении. Да просто-напросто не было бы прекрасного рассказа «История моей голубятни», от которого всякий раз, когда его читаешь и перечитываешь, на глаза наворачиваются слезы и до боли сжимается сердце.

Николаевскому периоду посвящен еще один рассказ – «Первая любовь». Смещение дат, о котором говорилось выше, происходит и в этом произведении: во время николаевского погрома герою рассказа было десять лет, Исааку Бабелю – одиннадцать. Однако факт и вымысел соседствуют в рассказах не только в отношении дат, но и в отношении персонажей. В «Истории моей голубятни»

упоминается родной дед героя по отцовской линии: «Все мужчины в нашем роду были доверчивы к людям и скоры на необдуманные поступки, нам ни в чем не было счастья. Мой дед был раввином когда-то в Белой Церкви, его прогнали оттуда за кощунство, и он с шумом и скудно прожил еще сорок лет, изучал иностранные языки и стал сходить с ума на восьмидесятом году жизни. <...> Изю всей семьи оставались только безумный дядя Симон, живший в Одессе, мой отец и я».

А вот в финале рассказа «Первая любовь» о нем говорится как о живом, и названо его имя, именно к нему герой отправляется с матерью в Одессу: «Мы выехали утром на пароходе, и уже к полудню бурные воды Буга сменились тяжелой зеленой волной моря. Передо мной открывалась жизнь у безумного деда Лейви-Иццока, и я навсегда простился с Николаевом, где прошли десять лет моего детства».

На тему одесского детства Бабель напишет в 1931 году рассказы «В подвале» и «Пробуждение», где подробно и ярко выведет образ дедушки. Исследователями отмечалось, что о дедушке Лейви-Иццоке написал внук, никогда его не знавший*. Но поскольку эта работа посвящена уточнению дат и фактов, которые могут служить реальным комментарием к отдельным рассказам Бабеля, назову точную дату смерти Лейба-Иццока Лейбовича Бобеля. Он умер 14 июня 1893 года в возрасте восьмидесяти лет (вспомним цитату из «Истории моей голубятни»**), то есть за год до рождения внука Исаака.

Из Николаева я возвратилась в Одессу и вновь пришла в Государственный архив Одесской области, где мне предстояло уточнить важнейшую для жизнеописания Бабеля дату.

Согласно «Краткой летописи...» Спектора, отец писателя умер 3 мая 1924 года, и сын, находившийся в марте-апреле в Москве, приехал на похороны. Я не знаю, откуда взята эта информация, но она совершенно не соответствует действительности. Во-первых, даже в 1924 году, надо полагать, Эммануила Исааковича, соблюдавшего еврейские традиции, похоронили бы в тот же день. Правда, 3 мая 1924 года пришлось на субботу, и если бы он на самом

* См., например: Александров Р. Указ. соч., с. 17.

** ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 70.

деле умер в этот день, то его хоронили бы 4 мая. Но в любом случае находившийся в отъезде Бабель вряд ли успел бы «приехать на похороны».

В книге записей о смерти Одесского ЗАГСа за 1924 год есть запись № 639 от 3 марта, в которой говорится, что Э.И. Бабель умер 2 марта 1924 года «от грудной жабы» в возрасте 60 лет. В графе «Род занятия умершего» стоит: «Кустарь-одиночка». Но особенно примечательна графа: «Кем сделано заявление о смерти». В этой графе настоящей записи указано: «Сын»*.

Все встает на свои места. Когда умер отец, Бабель находился в Одессе. Это обстоятельство косвенно подтверждается тем фактом, что 20 февраля 1924 года в Одессу приехал Владимир Маяковский. Хорошо известно, что Бабель встречался с ним, принимал вместе с родными его у себя дома на Ришельевской, 17, а 23 февраля побывал у Маяковского на прощальной вечеринке, которую тот устроил перед отъездом. До смерти Эммануила Исааковича оставалась неделя...

Если опираться на ошибочную дату в «Краткой летописи...» Спектора, то может показаться, что именно свое опоздание к постели умирающего отца Бабель отобразил в неоконченной повести «Еврейка». В этом незавершенном произведении на самом деле есть целый ряд автобиографических моментов: так же, как героине повести Эстер, матери Бабеля Фане Ароновне было в год смерти мужа 60 лет, как и герой произведения Борис Эрлих, Бабель после смерти отца перевез мать и сестру в Москву (только в отличие от пятнадцатилетней сестры Бориса Эрлиха, Мария Эммануиловна была взрослой и в том же году уехала в Бельгию к мужу, а позднее за ней последовала и мать), Борис учился в Петербургском психоневрологическом институте, студентом которого был когда-то сам Бабель. Но сюжетный ход с опозданием героя повести к умирающему отцу, берусь утверждать, никакой автобиографической подоплеки не имеет.

И еще одно, пусть и не столь важное, уточнение к «Краткой летописи...». Исаак Бабель и Евгения Гронфайн поженились, как там указано, в 1919 году. Так вот, согласно книге Одесского равви-

* ГАОО, ф. Р-8085, оп. 1, д. 227.

ната за этот год «о бракосочетавшихся», данное событие произошло 10 августа по новому стилю**.

В заключение хочу выразить сердечную благодарность за помощь, советы и доброжелательное отношение директору Государственного архива Николаевской области Ларисе Леонидовне Левченко; заведующим читальными залами ГАНО Александру Валентиновичу Серединскому и Ирине Валентиновне Крикаловой; заместителю директора по научной работе Государственного архива Одесской области Лилии Григорьевне Белоусовой; заместителю директора по научной работе Одесского литературного музея Алене Леонидовне Яворской, а также одесским исследователям Евгению Михайловичу Голубовскому и Александру Юльевичу Розенбойму.

** См.: ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 170.